

ИЗ АНТОЛОГИИ
«ТАШКЕНТ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ»

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Ташкент, может быть, поболее иных городов был приспособлен для жизни. Тепло, сытно (узбекская кухня — из вкуснейших в мире, так на мой необъективный взгляд), люди терпимы к чужой вере и обычаям, а облучение, испускаемое рубиновыми звездами, ослаблено расстоянием.

Оказавшись свидетелем того, как рушится и исчезает наша ташкентская жизнь, я вспомнил давнюю идею собрать воедино стихи русских поэтов о Ташкенте. Это уже в процессе возникло понимание, что я не просто составляю антологию «Ташкент в русской поэзии», но таким образом разворачиваю во времени картину 130-летнего периода в истории этого древнего города, когда наши пути совпали. Многоголосье — а количество авторов перевалило за восемьдесят — придавало этой картине глубину и богатство оттенков.

Погружение в тему выявило большое количество абсолютно забытых поэтов и неизвестных стихов. Построив антологию таким образом, чтобы стихам был предпослан текст об авторе и месте города в его жизни, я обнаружил судьбы удивительные. О некоторых из них хочу вам рассказать. Тем более, что книгу издавать пока не торопятся.

Михаил КНИЖНИК

ПАВЕЛ ПОРШАКОВ
(1888 — после 1930)

Про начало пути поэта мы что-то знаем, а конец жизни скрывается во мгле. Находятся записи в церковных книгах, списки учеников школ и гимназий, публикации в журналах, упоминания в дореволюционной переписке современников, тонкие сборники, изданные провинциальным книжным магазином. А с 20-х — всё, тьма.

Я родился в 1888 году 29 февраля. Мать моя родом казачка, грамотная, религиозная и очень суеверная. Отец мой крестьянин из Пермской губернии из деревни Шантары. Он отбывал солдатскую службу сапером в Ташкенте. Выйдя в запас, отец не поехал на родину, а остался жить у бабушки. Получив как туркестанский солдат надел в селе Троицком, он стал заниматься хозяйством. На усадьбе разбил прекрасный сад и завел пчел. Но не взлюбила нужда (Похоже, как раз наоборот. — МК) пермского мужика... 10 лет провел я среди казарм, среди солдат. На 8-м году мать повела меня в приходскую школу. Каждый год из Троицкого я со слезами уезжал в город на ученье. Через год мать взяла меня из приходского училища и перевела в четырехклассное городское. Учился я хорошо...

В 1904 г. я выдержал экзамен в Туркестанскую учительскую семинарию, где стал все больше и больше отдаваться любимому делу — литературе. Когда я был учащимся городского училища в 4 отделении, то у меня уже была тетрадь рассказов, стихов и дневник.

В 1903 году я начинаю мечтать о напечатании своих произведений в газетах, но, увы, там приняли меня только еще спустя 5 лет.

Попав в семинарию, я серьезно принялся читать все: от Пушкина до М. Горького и И. Бунина...

1915 г. 17/1 г. Мерв

Это автобиография Павла Семеновича Поршакова, находящаяся в фонде Л. Н. Клейнборта в Пушкинском Доме и опубликованная исследовательницей из Оренбурга А. Г. Прокофьевой. В ее публикации приведен и отрывок из письма 1916 года:

«В 1908 г. было напечатано мое первое стихотворение «Осенние думы» в г. «На рубеже». После 6 лет упорного труда я овладел формой стиха и самоучкою постиг тайну размера и его звучность. В 1910 г. был в учительской экскурсии по Италии.

В 1910 г. я познакомился с Александром Васильевичем Ширяевцем. Часто собирались ко мне на холостую квартиру молодые люди, где мы читали почти все новое, что появлялось тогда в литературе русской. Счастливое, светлое время! Кружок этот жизнь вскоре распяла, но он много дал нам бодрости и надежды. Я поехал в с. Садовое, но проучительствовал там только один месяц, меня перевели в Ташкент в русско-туземное училище учить детей инородцев. В 1913 г. я выпустил сборник стихов «Ночи певучие». В 1914 г. выпустили альманах втроем «Под небом Туркестана». В настоящее время жизнь загнала меня в Закаспийский. Живу в Мерве. (...) Сейчас пока слежу за литературой, как позволяет только окраина, читаю, пишу. Кажется, выпущу к маю туркестанские стихи: «Родным степям» при газете «Асхабад», но все это пока одни мечты. (...)

А пока жму руку и остаюсь Поршаков».

И хотя Поршаков с Ширяевцем издавали совместные сборники и даже иногда подписывали свои произведения «бр. Шир-Пор», Поршаков находился в тени более яркого, резкого и злого Ширяевца. Неслучайно известный своим черносотенством «Наш современник» был рад перепечатать письма Ширяевца (в 2007 году), часть из которых адресована Павлу Семеновичу. Письма полны цветистых ярлыков и развесистых эпитетов, навешанных на ташкентских литераторов начала века.

До нас дошла книга Городецкого с посвящением, отправленная им далекому туркестанскому собрату. Поршаков тянулся к нему, к Клюеву, к Есенину, к так называемым «новокрестьянским поэтам». Он тяготился своей долей мелкого чиновника на далекой окраине, рвался в Россию, но этому не суждено было сбыться.

Недолгое пребывание Есенина в Ташкенте подробно описано в книге П.И. Тартаковского «Свет вечерний шафранного края». Поршаков в ней упоминается, но он не появляется в кругу поэтов, принимавших столичную знаменитость.

Ширяевец уехал в Москву, Поршаков остался. Б. А. Голендер сообщает о единичных его публикациях в журнале «Костры», который выходил как приложение к газете «Туркправда».

И потом — тишина. Ни даты смерти, ни обстоятельств.

В журнале «DE VISU» № 3(4) за 1993 год в примечаниях к публикации писем Ширяевца дата смерти Павла Поршакова обозначена «после 1930». Поверим и мы, что публикаторы знают, о чем говорят.

Стихи для антологии взяты из сборника «Ночи певучие», изданного в 1913 году «Книжным магазином М. Ф. Собберей». Сохранена авторская пунктуация. Первое стихотворение — вполне ташкентское и по деталям, и по уровню тоски. А второе — очень условное, рассказывает скорее об освоении русским поэтом восточной темы, чем о самом Востоке.

Павел Поршаков

ИЗ ДНЕВНИКА

Обрызган влагой дождевой
Вишневый цвет...
Вдали за пикой снеговой
Встает рассвет,
Медвяный запах травяной
Плывет с долин...
Без грез, без ласки огневой
Стою один.
Из трав глядит кровавый мак,
Шумит сосна.
Опутал душу темный мрак—
Душа больна!..
И синий ирис вдоль аллей
В лучах зари...
Меня прости, жизнь, пожалей,
Душа замри!..
Обрызган влагой дождевой
Цветет жасмин.
Без грез, без ласки огневой
Живу один.

ДЕРВИШ¹

По базару он ходил тоскливо,
Распевал священные псалмы.
На плечо упал к нему красиво
Белоснежной кистью край чалмы.

Грустью тайной полонен неожиданно,
Позабыл он четки на руках.
Смуглый образ встал пред ним туманно,
С жаркой лаской в пламенных глазах.

Силой тайного греха влекомый,
Он бродил один от дервишей...
Слышит голос ласковый... знакомый...
Возле скрипнувших резных дверей.

Вышла вслед красавица востока,
с бирюзою на руке кольцо.
Целовал дервиш — певец пророка,
Бледно-смуглое горячее лицо...

Подарил ей тайны-талисманы...
Приласкал невольный властелин...
Он ушел в рассветные туманы,
Когда звал к молитве муэдзин.

Он ушел, — но мучит в сердце рана,
Тяготит печалью дервиша.
Он поет весь день стихи корана
И раскаяньем горит душа...

¹Дервиш — монах (так у автора).

АЛЕКСАНДР БАЛАГИН
(1894–1937)

Александр Самойлович Гершенович родился в уважаемой семье. Отец его, кантонист, выучился и стал одним из первых фельдшеров Самарканда, удостоен был звания почетного гражданина Российской империи. Позже семья переехала в Ташкент.

Старший брат, Рафаил, окончив Сорбонну, вернулся в Туркестан и навсегда связал с ним свою жизнь. Он стал крупным педиатром, профессором, основоположником школы.

Александр взял себе звучный псевдоним Балагин, издал в Ташкенте три тонких книжечки и отбыл в Петербург. Недолго был женат на яркой женщине. Мария Ивановна Кузнецова-Балагина (1895–1966), актриса и драматург, в театре играла под фамилией бывшего мужа. А вот для пьес взяла себе псевдоним «с секретом» — Мария Гринева, как бы Маша Миронова, вышедшая замуж за Петрушу Гринева. Ее пьесы хвалили такие разные писатели, как Шолохов и Бабель.

Сам Александр Балагин писал стихи, прозу, киносценарии. Ставил фильмы как режиссер, играл в них. В 1919–1920 гг. работал в Грузии. Грузинская кинематография числит его своим. Фильмы были еще немыми, рвали страсти в клочки. По меньшей мере два из них — «Третья жена муллы» и «Минарет смерти» — сделаны на туркестанском материале. Три небольших книги издал и в Тифлисе.

Дружил с Есениным, и — судя по инскриптам последнего — достаточно близко. Вместе с ним организовывал похороны рано умершего туркестанца Александра Ширияевца. Дружески переписывался с Цветаевой. В альбом Балагина, который хранится в РГАЛИ, писали Ходасевич, Ивнев, Городецкий, Шагинян и многие другие заметные литераторы эпохи.

Был членом партии левых эсеров, но, судя по всему, рядовым и не самым активным.

Все сведения о Балагине заканчиваются в середине двадцатых. Можно предположить, что новые железные времена умерили активность такого яркого человека. Но это его не спасло. В 1937 году он попал в мясорубку большого террора.

Приведенное здесь стихотворение опубликовано в альманахе «Степные миражи», изданном в Ташкенте в 1914 году под редакцией А. Алматинской. Полный монархических, державных мотивов выпуск по историческим причинам оказался единственным.

Подборка Балагина открывается стихотворением «Великан»:

*...— Великан, пора очнуться!
— Ты в снегу, как в белой пудре.
— Над тобою вихри вьются —
— Снег твои осыпал кудри!..
— Эй, вставай! Живей проснись-ка,
— Сон в снегу тебе опасен.
Отряхнись, да оглянись-ка,
Эвон мир-то как прекрасен! ...*

*Но укрытый снегом весь он
Развалился, будто пьян.
И не слышит вьюги песен
Мощный Русский Великан...
Перед ним лежит кольчуга
Ржавый меч, обрубок каски ...
А над ним танцует вьюга—
Извиваясь в дикой пляске...*

А первое стихотворение в альманахе — «Богатырь» Анны Алматинской, посвященное ташкентскому великому князю. Таков был тон этого издания.

Простим молодому стихотворцу «обрубок каски» и весь мусор дополнительных слогов, которым он заполнял пустоты в строчках, но признаем: определенное предвиденье в тексте присутствует. Хотя уверен, что пробуждение «Русского Великана» Балагин представлял себе несколько иначе.

А вот еще одно вполне туркестанское стихотворение. Оно написано на обороте фотопортрета, которым поделилась с нами внучатая племянница поэта. Карточка была прислана из Петрограда в Самарканд. Фоля и Дебора — это будущий профессор Рафаил Самойлович Гершенович и его жена.

На обороте мой портрет.
Взгляните, Фоля и Дебора!
Ну, как? Худой я или нет?
Худой! – вы скажете без спора.
Меня измучил Петроград:
Я знал метель, морозы, вьюгу.
Теперь я весел, счастлив, рад
И возвращаюсь снова к Югу.
Я четверть года проживу
Под ярким солнцем Туркестана,
А там обратно поплыву
В страну метелей и тумана.

Петроград 2 мая 1915 г.

А л е к с а н д р Б а л а г и н

ТОПОЛЯ

1
Точно вечный к Небу вопль,
Этот ствол могучий —
Весь зеленый, стройный тополь
Под румяной тучей.
Не сыскать стройнее стана!
Ты, как Солнце знойный,
Сын привольный Туркестана,
Гордый и спокойный!
Но о чем твои моленья,
И о чем мечты?
Ты и так — столпотворенье,
И прекрасен ты!

2.
Спит, забывшись, земля
Убаюкана сном.
У меня за окном,
Как на страже, стоят

И на звезды глядят
Тополя...

Я гляжу с ними вдаль.
Где-то плещет ручей,
Одинокий, ничей...
Грусть ручья — глубока,
В сердце льется тоска
И печаль...

Спят луга и поля,
Звезды ярко горят
И в тиши говорят...
Как на страже стоят
И на звезды глядят
Тополя...

1911 г. 17 авг.

АННА АЛМАТИНСКАЯ
(1883–1973)

В 70–80-е годы XX века в Ташкенте издавался альманах «Молодость». Сначала он был белый, форматом больше книжки, но меньше журнала, с цветком-загогулиной на обложке. Потом его размер уменьшился, и обложка стала изумрудной. Выходил пару раз в год, напечататься там было очень даже неплохо.

Недавно я обнаружил его предвестника. Первый туркестанский литературно-художественный альманах «Степные миражи», под редакцией А. В. Алматинской. Книга первая, Ташкент, 1914 год. Обложка пожелтела, но некогда была белой.

Вот что пишет Анна Алматинская во вступлении «От редакции»:

Цель настоящего альманаха — ознакомить читающую публику с литературой и поэзией далекого, почти сказочного Туркестанского края.

На письмо-призыв, напечатанное мною в одном из номеров местной газеты, в течение полугода откликнулось 52 автора, приславших в общей сложности до 218 произведений. На страницах этого сборника частью выступают молодые силы, еще не пробившие себе дороги в столичную печать, но тем не менее имеющие полную возможность познакомить читателя с тем своим творчеством, которое развилось и окрепло под знойными лучами туркестанского солнца...

Анна Владимировна Држевицкая родилась в военном укреплении Верное в семье польского офицера, сосланного в Туркестан за участие в мятеже. Недавно я прочитал, что про любого поляка в Средней Азии пишут: он был сослан за участие в восстании. Укрепление превратилось в город Верный, но молодая писательница взяла себе псевдоним по исконному названию этих мест еще задолго до того, как город стал Алма-Атой и столицей Казахстана.

Большую часть своей долгой — умерла она девятидесятилетней — жизни Алматинская прожила в Ташкенте. Здесь она опубликовала главную свою книгу — трехтомный роман «Гнет». Правда, от первой к третьей книге количество гнета росло, а живая ткань туркестанской жизни таяла.

В «Степных миражах» Алматинская выступила не только как редактор-составитель, но и как автор стихов и прозы.

Первое стихотворение — «Богатырь» — слишком выспренное и не очень умелое, тем не менее привлекло наше внимание. Во-первых, оно демонстрирует глубокую погруженность молодой поэтессы не только в будни Туркестана, но и в его культуру, мифы.

«Ферхат» и «Ширин-Кыз» — это главные герои поэмы «Фархад и Ширин» из знаменитой «Хамсы» Алишера Навои.

Могул-Тау — один из горных отрогов, с которого начинается Сырдарья.

Беговат — русское название города Бекабада, расположенного на берегу Сырдарьи, там, где река выходит из Ферганской долины в Голдную степь. В годы моего детства его еще так называли в разговоре. «Беговат» — слово из детства.

Но гораздо важнее персонаж, которому посвящено стихотворение. «Ташкентский великий князь» — фигура скандальная, притягательная, интригующая — и через сто лет после смерти. Даже пунктир его судьбы завораживает.

Внук Николая Первого, Николай Константинович показал себя настоящим героем в Хивинском походе. Якобы за кражу фамильных бриллиантов — а скорее всего за скандальный роман с американской танцовщицей Фанни Лир, — был объявлен душевнобольным и выслан навсегда. Он осел в Ташкенте, а Фанни вытолкали обратно за океан. Через годы она напишет воспоминания, в которых поквитается за обиды.

Гейнцельман и Бенуа построили великому князю великолепный дворец, уцелевший до сегодняшнего дня, что для Ташкента редкость.

Николай Константинович оказался умелым и хватким коммерсантом. Ему принадлежали хлопкоочистительные заводы, мыловарни, бильярдные, фотографические ателье, кинотеатры (знаменитая «Хива» — «Молодая гвардия» не пережила землетрясения 1966 года) и даже публичный дом «У бабуленьки».

Ученый, участник многочисленных экспедиций по Средней Азии, ирригатор, вкладывавший собственные миллионы в строительство оросительных каналов. Первый из них — Искандер-арык — пронес свое имя сквозь советские десятилетия и сохранился поныне. Фамилию Искандер Николай Константинович принял, чтобы отмежеваться от державной семьи. Эту фамилию унаследовали его дети.

Коллекция картин великого князя легла в основу Музея искусств Узбекистана — включая мраморную скульптуру обнаженной Фанни Лир, выполненную Томмазо Солари (в виде знаменитой Венеры с яблоком работы Антонио Кановы из виллы Боргезе).

Революцию Николай Константинович приветствовал. Умер от пневмонии в 1918 году. Спирта жизненной силы хватило на несколько поколений вперед — например, красавица Наталья Андросова, знаменитая мотогонщица по вертикальной стене, которую воспевали лучшие поэты 60-х годов, была его внучкой.

В «Степных миражах» великий князь присутствует и в качестве автора под именем N. N. Его тексту предпослано такое вступление:

Статья «Поворот Амударьи в Узбой», написанная одним высокопоставленным лицом, представляет громадный интерес и является ценным и крупным вкладом в сокровищницу литературы о Туркестане. <...>

Настоящая статья <...> появляется в печати впервые и имеет огромное значение по высказанным в ней взглядам...

Право печатания статьи любезно уступлено Автором Редакции Туркестанского Альманаха «Степные Миражи».

Я решил сохранить авторскую редакцию и восторг всех заглавных.

А н н а А л м а т ы н с к а я

БОГАТЫРЬ

*Посвящается Его Императорскому Высочеству
Великому Князю Николаю Константиновичу.*

Седое, древнее преданье
Хранит ревниво имена
Тех, кто хотел, гласит сказанье,
Добра посеять семена.

И Ширин-Кыз с улыбкой ясной
Глядит из глубины веков
Своей мечтой, как мир, прекрасной,—
Погибшей завистью врагов.

И богатырь Ферхат, тоскливо
В преданье стонет до сих пор
О том, что сердце его милой
Отнял предатель — темный вор.

А Могул-Тау величавый,
Как царь, увенчанный стоит,
На Беговат, покрытый славой,
В раздумье сумрачно глядит.

Но волны Сыр-Дарьи сердитой
Уже грустят о вольном дне,
В степи, проклятием покрытой,
Бушуют яростно оне.

Могучий Богатырь — за дело
Ферхата, рыцаря любви,
Взялся, — окончив его, смело
Сказал с улыбкой: «Степь, живи!»

«Народ, забытый и голодный,
Корми, пои живой струей
И помни: бег волны свободной
Направлен волею моей.

Пусть злая сила вся восстанет,
Пускай крушит труды мои...
Я верю: светлый день настанет
Над злом, победный день любви».

Пройдут года. Дарья сердито,
Бурля и пенясь по камням,
Все будет петь, что кровь пролита
На жертву яростным волнам.

Но если хочешь ты услышать,
Кто превратил пустыню в рай,
Иди туда, где волны дышат,
И ты услышишь: «Николай».

СЕМЕН ОКОВ
(1888–1939)

Семен Прокопьевич Овсянников родился в селе Юрино, которое сейчас стало райцентром в республике Марий Эл.

После двуклассного училища работал закройщиком рукавиц. Уехал сначала в Москву, где примкнул к крестьянским поэтам, потом перебрался в Казань. В 1920 году он уже в «хлебном городе». В Ташкенте, в издательстве Политотдела Туркфронта вышел и первый его сборник «Этапы», где был небольшой цикл «Туркестанские мотивы».

14 мая 1921 года в здании бывшего Офицерского собрания и будущего ОДО (Окружного дома офицеров), а в ту пору — Партийного дома им. Луначарского, состоялась, как бы теперь сказали, презентация «Этапов». На вечере присутствовал не только А. Ширяевец, открывший вечер, и П. Дружинин, оставивший об этом свои воспоминания, но и московская знаменитость — Сергей Есенин.

Вот отрывок из воспоминаний Дружинина:

«Выйдя на сцену, Оков начал рассказывать свою биографию. Мы с Есениным наблюдали из-за кулис за публикой, среди которой, нам показалось, было немало так называемых бывших людей. Когда Оков начал перечислять свою родословную и разъяснять, что он родился от бездомной нищенки, чуть ли не в хлеву, в зале послышался злой смех. Есенин вдруг потемнел лицом, сжал кулаки и полупшепотом заговорил «Зачем, зачем он это делает, унижается, да еще перед кем унижается, чудак...»

В книге П. И. Тартаковского «Свет вечерний шафранного края» обнаружена интересная переключка между воспоминаниями Дружинина и заметкой в газете «Известия ТуркЦИК» от 12 мая 1921 г., то есть за два дня до описываемого вечера. Вот о чем писала газета:

«Все партеры, бельэтажи и ложи наполняются «чистой публикой» — кисейными советскими барышнями и людьми высокого пошиба из мира спекуляции».

«Люди высокого пошиба из мира спекуляции» были совсем не «бывшими», они присутствовали в Ташкенте всегда. После войны, по словам моего отца, они назывались «шапочниками», а в годы моей ташкентской молодости — «цеховиками».

В той же книге Тартаковского С. Оков упомянут в ряду авторов пьес, идущих в ташкентских театрах — из тех, про которые сказано: «Художественными достоинствами не обладает, все же к постановке может быть допущена».

В конце июня того же года Оков, уже из Киева, пишет Ширяевцу:

«В дороге, не то в Челкаре, не то в Актюбинске, забыл точно, встретились мы с Есениным и около часа проболтали на литературные темы. Пригласил меня зайти к нему, продолжить разговор в Москве, но как я писал уже, зайти мне к нему в Москве не удалось».

Про дальнейшую жизнь Семена Окова — вдали от Ташкента — мне ничего не известно. Похоже, что «Этапы» остались его единственной книжкой.

В Марий Эл чтут память земляка. Правда, считают, что он был репрессирован. Но судя по обнаруженному мною в библиографии Андрея Платонова некрологу Семена Окова, опубликованному в «Литературной газете» 15 октября 1939 года, умер Семен Прокопьевич своей смертью.

Семен Оков

ИЗ ЦИКЛА «ТУРКЕСТАНСКИЕ МОТИВЫ»

В ТАШКЕНТЕ

Вчера лил дождик, вчера был холод...
А нынче за ночь расцвел урюк.
И вновь я — бодр и вновь я — молод,
И вновь я множу прогулок крюк.

Целует солнце влюбленно-страстно
Седые кудри карагачей,
Целует лица... О, не напрасно
Я солнцем бредил в тиши ночей!

Журчат арыки... Смеются взгляды...
Белеют выси ажурных гор...
Не в сказке ль это Шехерезады?
Не на ковре ли ожил узор?

В гостях у солнца в краю богатом,
Хочу быть юным... Ну, солнце — лей!..
И пусть я бледен — ничтожный атом,—
Я — твой Ярило: я — сын полей!

ТУРКЕСТАНУ

Край солнца, лени и тоски —
Не ты мне явишься могилой:
Не полюблю твои пески,
Обвороженный Волгой — милой.

Твоих оазисов сады
Не умалят порывы сердца...
Аму и Сыр-Дарьи воды
Не променяю на озерца.

ВИКТОР УРИН
(1924–2004)

Виктор Аркадьевич был человеком ярким, недюжинным, с переломом.

Уроженец Харькова, он воевал в Великую Отечественную, был ранен. На фронте еще написал самое свое известное стихотворение:

*Оборвалась нитка,
не связать края.
До свиданья, Лидка,
девочка моя...*

В Литинституте учился у Антокольского.
Умел писать лапидарно и емко:

*Если осталась одна рука,
жизнь хватают наверняка!*

Но версификационный дар и темперамент не соответствовали ни таланту, ни уму.

Осталась злая эпиграмма на забытого персонажа:

*Он, как Гудзенко, некультурен,
Как Шубин, пьян и глуп, как Урин.*

В воспоминаниях Урин фигурирует скорее как герой анекдотов. Разгуливал по Москве с ручным орлом. Загрел на 15 суток за разведенный в квартире костер. Насмерть перепугал Вознесенского, показывая на скорости в центре города, как ногами рулит «Победой», а руками печатает на машинке стихи.

Урин проехал на этой «Победе» через весь бескрайний СССР, издал книги путевых очерков. Я прочитал одну. Обычная советская тягомотина: скучные периоды акынских описаний, немного поверхностного краеведения, чуточку «оживляжа» в виде полупридуманных персонажей. Короче, такая добровольная бесконечная журналистская командировка.

Сначала испортил себе биографию дурацким письмом-кляузой в ЦК, во время «Пражской весны», в котором жаловался на то, что тиражи коллег-поэтов не соответствуют их преданности линии партии. Для борьбы с этим предлагал поднять собственные тиражи.

Потом «ремонтировал» биографию, создав некий Всемирный союз поэтов, который сам и возглавил. А в заместители выбрал президента Сенегала. Нужно заметить, что в отличие от остальных лидеров черного континента и преданных друзей Советского Союза, Леопольд Седар Сенгор не был ни дикарем, ни людоедом. А был философом, франкоязычным поэтом, составившим антологию (Привет тебе, Леопольд Седар!) и писавшим книги.

Сенгор на затею откликнулся, а советские чиновники — нет. В итоге — эмиграция в Сенегал, потом переезд в США, где Урин и закончил свои некороткие дни.

Найденное нами стихотворение вполне соответствует образу автора. Богатая ритмическая палитра и точные наблюдения (плоские шашлычные палочки) не в состоянии оправдать интонацию журнала «Крокодил», а главное — наличие всего одной мысли на весьма длинный текст.

Стихотворение опубликовано в большом сборнике-альманахе «За круглым столом», изданном в Ташкенте в 1963 году, задолго до землетрясения. Поэтому «брзентовый шалаш» на Анхоре — это не армейские шатры, в которых жили ташкентцы в 66-м, а скорее туристическая палатка, которую возил в своей «Победе» темпераментный автор.

В и к т о р У р и н

ДЫХАНИЕ

Дымились шашлыки на плоских палочках;
Была луна в реке, как пиала.
Какая-то начитанная парочка
Из той луны свою любовь пила.
А я в машине проезжал по Пушкинской,
И смуглолицый мартовский Ташкент
Вдруг козырнул и, улыбаясь дружески,

Сказал мне:

— Предъявите документ.

Я не нарушал. Я ехал чинно.

Милиционер тактичным был.

И все же, мне казалось, беспричинно

Меня он к тротуару пригвоздил.

Быть может, рядом знак висит «запрет»?

— Нет.

Быть может, ехал я на красный свет?

— Нет.

— В таком случае,— говорю,—

Почему вы меня останавливаете?

Поймите, я опаздываю...

И милиционер сказал мне:

— Ясно!

Но много нарушений в эти дни...

И, поманив, он трепетно и властно

Мне на ухо шепнул:

— А ну, дыхни.

Я с радостью дышал. Я был распарен.

Везет же мне, как видно по всему!

Как здорово, что есть на свете парень

Внимательный к дыханию моему!

И даже, думал я, даю вам слово,

О, если б каждый в мире человек

Прислушался к дыханию другого,

Как этот очень вежливый узбек.

— Ну, как дышу?

Страдаю и спешу.

Стихи пишу,

На огонек прошу.

Хотите, на Анхор вас приглашу

К себе, к брезентовому шалашу?

По-моему, неплохо я дышу.

В ответ на эти мои слова Милиционер сказал:

— Гражданин!

Вы меня не так поняли...

Я на посту, а вы в автомобиле.

Так?

С водителями бывает: или — или.

Так?

Но вы, я убедился, трезвым были.

Так?

Надеюсь, что меня вы извинили.

Так?

Ах, дорогой мой милиционер!

Не так!

Я в этом городе пьянею,

Я понял, что дыхание имею,

Что вас оно волнует, например.

Мне нравится, что представитель власти,

Там, где цветут вечерние огни,

Поинтересовался мной отчасти

И вежливо сказал:

— А ну, дыхни.

И после многолетнего скитанья

Я ощутил всем существом своим,

Кому-то дорого мое дыханье,

И кто-то бережно следит за ним.

Так сделайте пометку в документе,

Прошу вас, проколите мой талон,

Чтоб знали все, что я дышал в Ташкенте

И был весной узбекской опьянен!

Пусть другой расскажет по-другому,

Я от души был этой встрече рад

И милиционеру дорогому

Сказал:

— Спасибо, друг, катга рахмат!

